

**В ПОИСКАХ
ДИКОВИННЫХ
КАМНЕЙ
ГИПЕРБОРЕИ**

Ю. О. ЛИПОВСКИЙ

Юрий Липовский

**В поисках диковинных
камней Гипербореи**

«Шапиев Герман»

2017

Липовский Ю. О.

В поисках диковинных камней Гипербореи / Ю. О. Липовский —
«Шапиев Герман», 2017

ISBN 978-5-4236-0052-5

Камни во все времена любили и использовали в разных целях многие народы. Они — участники удивительных событий, герои мифов и легенд, всевозможных поверий и научных открытий...

ISBN 978-5-4236-0052-5

© Липовский Ю. О., 2017

© Шапиев Герман, 2017

Содержание

От автора	6
Амазонитовый пояс Ипполиты, или девятый подвиг Геракла	8
Первая встреча с амазонским камнем	30
Откуда взялось название амазонского камня, или	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ю. О. Липовский

В поисках диковинных камней Гипербореи

© Липовский Ю. О.

* * *

*Моим коллегам – искателям диковинных камней на священной
земле Кольской – посвящаю.*

От автора

Камни во все времена любили и использовали в разных целях многие народы. Они – участники удивительных событий, герои мифов и легенд, всевозможных поверий и научных открытий.

Когда же самоцветы вошли в жизнь человека и где они добывались в древности? История их освоения еще не написана, нам известны лишь отдельные эпизоды, собранные по крупицам из отдельных источников. О драгоценных камнях писали еще античные историки и натуралисты, такие как *Геродот*, *Теофраст*, *Плиний Старший*. А археологи и историки и поныне находят вещественные доказательства использования в древности многих известных сегодня камней. Стало известно, что бирюзу добывали на Синайском полуострове за 3500 лет до н. э., где сохранились древнейшие выработки, известные как копи царя Соломона. А на берегу Красного моря, в копиях царицы Клеопатры добывали изумруд. На туманном острове Топазос в Красном море египтяне добывали еще один драгоценный камень, так и названный – топазом. Самые же драгоценные камни – алмаз, рубин и сапфир – добывали из россыпей в «стране чудес» Индии за 1000 лет до н. э. А купцы везли в Египет любимый фараонами лазурит из далекого Бадахшана (на территории Афганистана). До нас дошло описание самого древнего из известных ювелирных украшений, эфуда – нагрудника древнееврейских первосвященников, украшенного двенадцатью драгоценными камнями. Среди них уже известные нам бирюза, изумруд, топаз, аметист и другие.

Долгое время у многих народов, населявших Европу, бытовало мнение, что все драгоценные камни родом только из южных заморских стран – Египта, Персии, Индии и из Малой Азии. И у нас на Руси считали, что все «диковинные камни» (как называли необычные самоцветы) не могут родиться в холодных северных землях. А эти диковинные камни находились именно здесь, на территории нашего Севера и Уральских гор! Об этом нам поведали древнегреческие мифы, легенды и свидетельства историков. Взять хотя бы миф о девятом подвиге Геракла, знакомый нам со школьной скамьи. Напомним, Геракл отправился по повелению царя в страну амазонок, чтобы добыть золотой пояс царицы Ипполиты. По поводу того, как он добыл этот пояс и из чего он был сделан, мнения мифотворцев разделились. Что касается самого пояса, то греческий историк Аполлоний Родосский поведал, что он был сделан из пестроцветного зеленого камня, добытого на территории дикой Скифии в Рифейских горах. А Рифеем древние греки называли наш Урал, где действительно есть этот самый пестроцветный зеленый камень. И назван он амазонским, или амазонитом, в честь древних женщин-воительниц, использовавших этот камень в ритуальных целях. На Урале, в Ильменских горах, сохранились копии с амазонитом.

Есть много свидетельств тому, что любимые древними греками дары природы – янтарь, жемчуг, аметист, гранат-альмандин, гиацинт, сапфир – они получали из Гипербореи. Так древние греки окрестили легендарную страну на Крайнем Севере, земли за владениями бога северных ветров Борея. Название дословно обозначает «за Бореем», «за севером». Греческий историк *Геродот* писал, что здесь жили гипербореи, исполинский народ, почитавший бога Аполлона и живший в вечном блаженстве при постоянном свете солнца. Геродот указывал, что гипербореи жили к северу от своих соседей-скифов, то есть на территории современной России. А еще он поведал, что гипербореи ежегодно доставляли в Дельфы (священный город дельфийских оракулов в Греции) свои дары, в том числе и камни. С тех пор загадочная северная страна гипербореев волновала умы многих исследователей. А знаменитый средневековый историк-картограф *Герхард Меркатор* впервые составил карту Гипербореи, которая располагалась на территории нашего Кольского полуострова и Северной Карелии.

Весьма примечательно, что первую экспедицию на поиск Гипербореи отправила в 1864 году императрица Екатерина II. Для этого снарядили два корабля под командованием адмирала Василия Чичагова. Известно, что материалы этой экспедиции адмирал передал М. В. Ломоносову – и на этом сведения обрываются.

Поиски Гипербореи на Кольской земле возобновили уже в советское время. В 1921 году в центре Кольского полуострова, возле легендарного Сейдозера работала специальная научная экспедиция под руководством *А. В. Барченко*, собравшая многие интересные факты, которые были засекречены. И в наше время исследователи продолжают искать на Кольском полуострове следы северной гиперборейской цивилизации, уходящей вглубь тысячелетий. Пример тому – работа научно-исследовательской экспедиции «Гиперборея-98» под руководством академика *В. Н. Дёмкина*. Интересные находки, подтверждающие существование древней цивилизации, были недавно сделаны экспедициями Русского географического общества. Они обнаружили в различных районах Кольского полуострова и на островах Белого моря наскальные образы древних божеств, лабиринты, каменные святилища – сейды, каменный трон на берегу моря и каменные пирамиды, которые были построены намного раньше египетских. В эту копилку неоспоримых фактов существования Гипербореи могут внести свой вклад и геологи, работавшие на Кольской земле в поисках самоцветов и редких минералов. И они открыли здесь удивительный мир необычных или, как говорили в старину, диковинных камней, каких на земле мало или вообще больше нигде нет. Были найдены и следы древнейших выработок – копь на горе Вавнбед с легендарным **цирконом-гиацинтом**, копи на побережье Белого моря с пурпурным **аметистом** – «камнем трезвости» древних греков и другие.

В Хибинах было открыто единственное в мире месторождение «звездного камня» – **астрофиллита**. Он, по поверьям местного населения, лопарей, считается священным камнем далеких предков – йети, то есть гипербореев. На вершинах многих гор не раз приходилось видеть древние святилища – сейды в виде уложенных пирамидой камней и гигантские мегалиты – огромные глыбы весом 1–3 тонны, установленные на трех подпорках из шарообразных камней.

Обо всех диковинных камнях, найденных в те, далекие уже годы, рассказывается в этой книге. Особое внимание уделено самому загадочному **амазонскому камню**, подарившему автору немало памятных встреч на Урале, Кольском полуострове и в Монголии. Раскрыть все тайны «камня амазонок», объяснить его происхождение, необычайный состав и воздействие на человеческий организм еще предстоит будущим пытливым исследователям.

Амазонитовый пояс Ипполиты, или девятый подвиг Геракла

На потемневшей поверхности шумно-широкого моря ходили плавные волны, раскачивая, как колыбель, палубу корабля. С берега царства амазонок дул несильный, но упорный ветер, под напором которого корабль плыл обратно в Элладу. Хмурый Геракл, как монумент, застыл на палубе, вглядываясь в исчезающую в голубой дымке землю. На палубе под навесом лениво разлеглись спутники-воины, во главе с афинским героем Тесеем. Они пили вино, горланили песни, судачили о своих встречах с амазонками, делясь подробностями любовных утех с этими необъезженными, как лошади, и строптивыми, как кошки, женщинами. То и дело среди молодых людей раздавался гомерический хохот. Геракла раздражали их пьяные голоса, да и само их присутствие на корабле. Зачем они увязались с ним в этот поход в страну амазонок? Взять хотя бы Тесея, сына царя Афин, прославившегося победой над Минотавром. Что ему, своей славы мало? Гераклу не нужна была помощь ни Тесея, ни его хваленых воинов – они едва не погубили себя и их задание. А теперь чувствуют себя победителями, словно это они добыли пояс Ипполиты.

Рис. 1. Статуя амазонки

Геракл был раздражен и не находил себе места. А когда к нему незаметно подошел корабельный мифотворец Филопатр и елейным голосом попытался узнать, как он добыл пояс, Геракл едва не выбросил того за борт. Этого словоблуда навязал Гераклу царь Эврисфей, чтобы он был свидетелем его походов и достойно их описал для истории. Но мифотворцу на сей раз не повезло. На берег к амазонкам он не решился сойти, ибо не был настоящим мужчиной, избегал женщин и признавал только однополую любовь. Однако Филопатр был придворным мифотворцем на службе у царя Эврисфея, и от него ждали очередной оды о подвиге Геракла. Потому, не получив от Геракла нужной информации, он махнул на него рукой и успокоился. В конце концов, пусть себе герой буянит, ходит по палубе взад-вперед так, что она качается под его ногами. Пусть бесится! Герой имеет на это право – ведь пояс царицы амазонок находится у него. Геракл выполнил задание царя, а он, Филопатр, выполнит свое – распишет как надо очередной подвиг героя. Ему не привыкать это делать. К тому же он раздобыл кое-какие сведения из уст подвыпившего Тесея и его воинов. Успокоившись, мифотворец уединился в своем уголке на корме и, достав из сундучка восковые таблички, стал выводить заостренной палочкой строки своей хвалебной оды: «Ода в честь подвига Геракла, сына Зевса, написанная придворным историком Филопатром из Афин».

*В царство диких амазонок устремился
необоримый Геракл,
Дабы свершить во славу свой девятый подвиг,
Овладеть там волшебным поясом Ипполиты,
Что даровал Арес непобедимой царице.*

*Долгим был путь у Геракла, Тесея и их воинов.
Но корабль, проплывши через бездны морские,
Где властвует сам Посейдон с грозным трезубцем,
Достиг Фемискиры¹, столицы племен амазонок.*

*Там уже ждала героев несметная рать стиганор².
С копьями были те девы-воительницы,
С детства познавшие грозное дело Ареса.
Крепче железа был дух их могучий.*

*Были из меди доспехи у них и лики ужасны,
Ибо поведала им Артемида-охотница
О задумке Геракла похитить тот пояс,
Что стягивал чресла непобедимой царицы.*

*Устремилось на Геракла сонмище грозных эриний,
И впереди них летела как вихрь Меланиппа,
А с нею Аэлла, Протоя и Антиона —
Самые любимые подружки царицы.*

---

¹ Фемискира – исторический город в Малой Азии.

² Стиганоры – буквально «мужененавистницы».

*И напали на Геракла сразу семь амазонок,
Окружили героя, пустив в него свои копья.
Но они миновали сына Зевса —
Все пролетели мимо, не задев исполина.*

*А Геракл, пришедший в ярость,
поразил их огромной палицей,
Так что замертво грохнулись подлые девы.
Сила ужасная собственных рук принесла им погибель.
Все снизили они в царство Аида —*

*Такая их участь постигла.
Победили герои необузданную рать амазонок,
В страх их вогнали, и бегством спаслись они.
А вот рыжую Антиопу пленил сам Геракл,*

*Однако вернул ее Ипполите
В обмен на волшебный пояс царицы.
Так совершил свой девятый подвиг Геракл,
Исполнив наказ царя, чем заслужил похвалу самих Ники и Дики³.*

---

³ Ника – богиня победы, Дика – богиня правды, олицетворяющая справедливость.

Рис. 2. Геракл Фарнезе (с античной статуи)

А герой, о котором писал Филопатр, по-прежнему продолжал ходить по палубе. Гнев поселился глубоко в душе Геракла и не находил выхода. И если бы в этот момент из морской пучины вылезло какое-нибудь чудовище, он бы придушил его своими руками, совершив еще один подвиг. А вместо этого перед пылающим от гнева взором Геракла возник маленький колченогий человек с медно-красным лицом и серебряной серьгой в ухе. Это был кормчий Кефал, старый искусный мореход, которого без слов понимала вся его команда из свободных моряков и рабов-гребцов. Да и все остальные, включая эллинских воинов во главе с Тесеем, относились к нему с должным почтением. Они понимали, что жизнь каждого на море зависела не только от милости богов, но и от виртуозного искусства этого маленького бога корабля. В молодости Кефал увлекался философией, а потому щеголял в своей речи мудрыми изречениями великих учителей.

– Что скажешь, Кефал? – спросил Геракл кормчего.

– Ветер крепчает, – ответил тот невозмутимо.

– Ну и что же из этого следует? – промолвил Геракл, едва сдерживая себя.

– Гнев – это ветер, который гасит свечу мудрости, – ответил Кефал, глядя на Геракла ясным спокойным взором.

И, не сказав больше ни слова, кормчий повернулся и ушел обратно к своей команде. А Геракл после его слов перестал ходить, опустился на палубу и коснулся рукой висящего на его шее пояса Ипполиты. От зеленых камешков, из которых был сделан пояс, исходила какая-то неведомая сила, очищающая и согревающая душу. Геракл прижал пояс к сердцу, и оно забило сильно-сильно, как в тот незабываемый момент, когда он прикоснулся к божественной Ипполите. Да, мойры⁴ все же были великодушны, подарив ему эту желанную встречу. Ничего в мире нет прекраснее, чем женская красота, и сильнее, чем любовь. Но любовь эфемерна и ускользает, как черта горизонта. И она осталась там, в стране амазонок, куда привела его сама судьба. И, не выпуская из рук волшебного пояса, Геракл погрузился в воспоминания о том, что же произошло с ним в царстве амазонок.

---

⁴ Мойры – греческие богини судьбы: Клото пряла нить жизни, Лахесис определяла жребий, а Антропос перерезала жизненную нить.

Рис. 3. Иппотита Царица амазонок

...Поначалу все складывалось удачно. Геракл и его спутники, преодолев долгий путь, достигли берегов Понта Эвксинского, где находилось царство амазонок со столицей Фемискирой. Слава о подвигах Геракла достигла Фемискиры, и когда Геракл с отрядом воинов сошел на берег, то навстречу им вышла сотня амазонок во главе с царицей Ипполитой. Амазонки, вытаращив глаза, взирали на Геракла, который как исполин возвышался над своими молодыми сильными воинами. И первой к нему подошла Ипполита, со спокойной уверенностью и отточенностью движений, высокая и величавая. Смуглое от загара лицо цвета меди делало ее похожей на египтянку. Гордая крепкая шея, увенчанная бусами из солнцеподобного электрона⁵, держала голову с узлом иссиня-черных волос. Сильное тело царицы, обвитое складками полупрозрачного хитона, обнажавшего плечи и левую грудь, высокую и широкую, придавая телу особую чувственную красоту. Геракл замер, не находя слов, при виде сразу пленившей его дикой красоты царицы. Он посмотрел в лицо Ипполите и встретил смелый и веселый взгляд ее ярких и зеленых, как море, глаз.

– *Хайре*⁶! – выдал из себя приветствие изумленный Геракл.

– *Хайре!* – ответила Ипполита с широкой белозубой улыбкой, и вдруг ее глаза потемнели, утратив веселый блеск, потемнели, как море перед бурей, и она испытующе посмотрела на могучего героя. – Скажи мне, великий сын Зевса, что привело тебя к нам? С миром ты пришел или с войной?

Что мог ответить Геракл, суровый и могущественный герой, совершивший подвиги и одолевший разных чудовищ? Впервые на его пути встала женщина, прекрасная и неотразимая как богиня. И суровый воин, смягчившись сердцем, честно признался ей:

– Прекрасная царица! Не по своей воле пришел я в твоё царство с вооруженными воинами. Меня прислал к тебе властитель Микен Эврисфей, которому я по воле Зевса служу и должен совершить двенадцать подвигов. Только после этого я обрету свободу. И вот, Эврисфей дал мне девятое задание – добыть твой пояс, подарок бога Ареса. Этим поясом хочет обладать его дочь, коварная и властолюбивая Адмета. Но ни я, ни мои воины во главе с афинским героем Тесеем не хотят войны с вами – с женщинами не воюют, их любят.

И ответила на чистосердечное признание Геракла царица Ипполита:

– Сын Зевса, ты могуч и прекрасен, как бог-громовержец. Но ты еще мудр, как оракул.

И, подойдя вплотную к Гераклу, Ипполита внезапно сорвала с себя одеянье и предстала перед ним как богиня, вышедшая из пучины моря. Широкий пояс из неведомых зеленых камней спускался с ее крутых бедер, закрывая лобок Венеры. Геракл стоял, ослепленный красотой ее медного тела и сиянием пояса, сравнимого с цветом бурного моря с белыми гребешками волн.

– Алкид⁷, я отдам тебе пояс, если ты исполнишь мое сокровенное желание, – промолвила Ипполита, положив руку на его плечо.

Геракл вздрогнул, впервые услышав свое подлинное имя, которым звали его в детстве и юности, пока он не стал героем.

– Что я должен сделать для тебя? Какой совершить подвиг? Я готов ко всему! – воскликнул он.

– Выслушай меня, Алкид, и не удивляйся тому, что услышишь. Знай же, что мы, амазонки, с мужчинами жить не можем, и не зря эллины называют нас *стиганорами*. Мы свободны, занимаемся охотой, лошадьми, а домашним делам, что выполняют эллинские женщины, мы

---

⁵ Электрон – древнегреческое название янтаря.

⁶ *Хайре!* («Радуйся!») – греческое приветствие.

⁷ Алкид в переводе – «сильный».

не обучены и не хотим их знать. Мужчины нам нужны лишь для пополнения нашего женского племени. Поэтому ежегодно в месяц *гекатомбейон*⁸ мои амазонки встречаются с мужчинами из местных племен скифов и в течение двух недель предаются свободной любви с ними. А когда у них рождаются дети, то мальчиков отдают скифам, а девочек мы оставляем себе. Ты прибыл, Алкид, со своими воинами как раз в долгожданный для амазонок *гекатомбейон* – месяц любви. Взгляни только, с каким воодушевлением и надеждой глядят амазонки, а среди них мои верные помощницы – Меланиппа, Аэлла, Протоия и Антиопа – на твоих воинов. Эллинские воины молоды и сильны, как и мои амазонки, а от сильных пар рождаются сильные дети.

Геракл, с любопытством слушающий необычную речь царицы, бросил взгляд на толпу амазонок, окруживших Тесея и их воинов. Эллины после долгого и изнурительного морского перехода совсем расслабились. Они побросали на землю свои щиты и копья и с вождением глядели на полуобнаженных амазонок, угощавших их хмельным скифским вином. Казалось, боги принесли мир на землю амазонок, и грозный Арес уступил место веселому и разгульному Дионису⁹.

Но удивление Геракла стало еще больше, когда Ипполита перешла к самому главному.

– Я тоже амазонка и должна выполнить, как и все, свою главную задачу. Однако я царица, и потому желаю зачать дочь только от героя, ибо ей надлежит быть лучших царских кровей. Я хочу дочь от тебя, Алкид. А за это я отдам тебе свой пояс. Ты сам снимешь его с меня в час любви. Ты согласен?

– Я согласен! – воскликнул Геракл, ошеломленный таким предложением. – Наконец-то мойры послали мне счастливую встречу с тобой – бесценный подарок за все мои тяжкие труды-подвиги!

Рис. 4. Греческие амазонки

И, удовлетворенная его ответом, Ипполита промолвила, глядя на Геракла сияющими хризолитовыми глазами:

⁸ *Гекатомбейон* – древнегреческий месяц года (середина июля-середина августа).

⁹ Дионис – бог вина и веселья.

– Тогда отдай приказание своим воинам: пусть отдыхают, веселятся, пьют вино и наслаждаются любовью с моими девами. А тебя я приглашаю не в приемный дворец в Фемискире, а в храм Артемиды, где мы уединимся с тобой в течение отпущенного времени, – рука Ипполиты нашла руку Геракла, крепко сжала ее и потянула за собой. – Пойдем за мной, *астер эймос*¹⁰.

Они покинули ликующую толпу амазонок и воинов и, обогнув Фемискиру, сверкающую белизной домов, пошли по утоптанной тропинке, ведущей в гористую местность. По обеим сторонам тропы тянулись чередой оголенные «холмы нимф», а впереди как маяк возвышалась гора Афродиты, напоминающая формой женскую грудь. Ипполита шла быстрым шагом, не оглядываясь на Геракла. Он следовал в полном молчании, любуясь легкой и грациозной походкой царицы. Предчувствие небывалых любовных страстей заставляло сердце сильно колотиться, совсем как у юноши на первом любовном свидании.

Пройдя около двадцати стадий¹¹, они подошли к подножью горы Афродиты, склоны которой утопали в густом лесу. И взору Геракла предстал белокаменный дом, который казался небольшим под окружавшими его со всех сторон высокими кипарисами. Это и был храм Артемиды – любимое место уединения и отдыха царицы амазонок. Они поднялись по белокаменной площадке в виде полукруглых, гладких и сверкающих на солнце гладких плит. По краям площадки в огромных мраморных чашах цвели пышные белые розы – символ любви и женской сущности. Сбросив со своих сильных и стройных ног сандалии, Ипполита медленно подошла к нише в стене, где стояла во весь рост бронзовая фигура богини Артемиды. Она остановилась перед статуей, и ее сильное тело, возбужденное долгожданной встречей и ожиданием чувственной любви, на миг замерло в спокойном созерцании. Артемида, эта девственная охотница, была самым воплощением древнего принципа торжества женского жизнеутверждающего начала над грубым и разрушительным мужским. И всякий раз, всматриваясь в рукотворное изображение покровительницы амазонок, Ипполита черпала в нем силы и доверяла ему свои тайны.

Геракл почтительно остановился в нескольких шагах от этого святилища, не мешая Ипполите оставаться наедине с богиней. У сына Зевса было неоднозначное отношение к богам Олимпа: одни покровительствовали ему, как бог Аполлон или Гефест, другие не признавали его и даже строили козни.

Закончив свое таинство у статуи Артемиды, Ипполита взяла Геракла за руку и провела его во внутреннюю комнату, благоухающую ароматом лесных трав и цветов. Широко открытые ставни окон открывали чудесный вид на обширный сад, где росли диковинные цветы. Усадив гостя на массивное мраморное сиденье, покрытое шкурой льва, царица три раза хлопнула в ладоши. И тотчас же из смежной комнаты появилась высокая девушка с длинными распущенными волосами огненно-рыжего цвета. Серый прозрачный хитон окутывал ее белое, почти не загорелое тело от пояса до щиколоток крепких ног. Горделивую шею девушки украшало спускавшееся на сильную выпуклость груди ожерелье из пестрых зеленых камушков. При виде Геракла она отвесила ему глубокий поклон, сложив в приветствии ладони белых рук. Широко раскрытые небесно-голубые глаза девушки с нескрываемым восхищением смотрели на фигуру великого героя.

– *Малакион* (дружок), принеси вино и приготовь ужин, – сказала ей Ипполита.

Девушка кивнула головой и неторопливой горделивой походкой удалилась. Во всем ее облике и движениях сквозило невозмутимое спокойствие и собственное достоинство.

– Твоя служанка ведет себя как свободная эллинская женщина, – заметил Геракл.

– Ула моя помощница и подруга, – ответила Ипполита, – она свободная амазонка, как и все мы. А вы, эллины, разделены на свободных и рабов, находящихся в полной власти своих

---

¹⁰ *Астер эймос* – «звезда моя».

¹¹ Стадия – древнегреческая мера длины, равная 178 м.

господ. И чем хуже господа обращаются со своими рабами, тем хуже те становятся, а в ответ звереют сами господа. И ничто не может разорвать этот порочный круг.

А у меня в царстве все девы свободны и могут постоять за свою свободу с оружием в руках против мужчин. Их мы терпим только ради продолжения рода своего, и никто из них не может притязать на власть в нашем племени. Ну а скифские мужчины, которых эллины прозвали варварами, привнесли в нашу кровь воинственность и хладнокровность. Но ты, Алкид, великий герой, равному которому нет! О тебе слагают оды и песни, твоим именем пугают врагов, и в тебе люди видят защитника от вселенского зла. Боги наделили тебя силой и мудростью, ты побеждаешь всех и все на своем пути. Поведай мне, Алкид, как стал ты героем, как сделался непобедимым Гераклом?

Геракл усмехнулся и выпустил руку Ипполиты, онемевшую в его мощной ладони.

– Я стал героем не по доброй воле богов Олимпа, но должен был стать царем Микен вместо Эврисфея.

– Расскажи мне, как это произошло, я хочу знать все о тебе, – промолвила Ипполита с пылающим взором.

– По воле небес я стал сыном Зевса и простой эллинки Алкмены, красотой которой прельстился сам Бог-громовец. Моя мать поведала мне, что когда Зевс узнал о моем зачатии, он на радостях объявил об этом всем богам на Олимпе. И еще провозгласил, что его сын станет царем в Аргосе и обретет власть во всем славном роде Персеидов¹². А Гера, разгневанная тем, что Зевс изменил ей и другая ждет от него ребенка, решила отомстить. С помощью Аты¹³ она взяла с Зевса клятву, что кто первым родится в роду Персеидов, тот и станет царем. И вот, заручившись клятвой Зевса, Гера срочно помчалась на своей колеснице в Аргос. Там она с помощью божественных сил ускорила рождение сына царя Сфенелла из рода Персеидов. Так появился на свет слабый и больной ребенок, нареченный Эврисфеем, который с помощью Геры стал царем. А когда после этого родился я, Гера заключила с Зевсом договор, по которому я, став взрослым, буду служить царю Эврисфею двенадцать лет и исполню, по его желанию, двенадцать подвигов. И только после этого мне обещана свобода и бессмертие.

Гера возненавидела меня с самого рождения. Мать рассказала мне, что Гера наслала в мою колыбель двух змей, которые обвились вокруг моего тела, пытаясь задушить. Но я проснулся и сам задушил их. После этого меня нарекли Алкидом («сильным»), а прорицатель Теренсий, узнав об этом случае, поведал, что я совершу двенадцать подвигов и обрету бессмертие.

Я поселился в Тиринфе¹⁴, потому что Эврисфей боялся меня и все приказания передавал через своего вестника Конрея. Мне недолго пришлось ждать приказаний царя. И вот он повелел мне расправиться с чудовищным львом, жившим в окрестности города Немии. Я справился с его заданием и принес льва на плечах своих на царский двор. Эврисфей задрожал от одного его вида, а мне придумал второе задание – одолеть Лернейскую гидру. Это чудовище с телом змеи и девятью драконьими головами жило в болоте у города Лерна. Борьба с девятиголовой гидрой была тяжелой: я сбивал палицей одну голову за другой, а они вырастали снова. Но я рассек тело гидры, а в ее ядовитую желчь погрузил свои стрелы – с тех пор раны от них смертельны.

С радостью победителя я вернулся в Тиринф, а там вместо отдыха и вознаграждения за мой подвиг меня ждало третье задание – истребить стимфалийских птиц. Эти кровожадные существа охотились возле города Стимфала на людей и животных. Трудно мне было бы спра-

---

¹² Персеиды – род сына Зевса Персея.

¹³ Ата – богиня обмана.

¹⁴ Тиринф – город к югу от Микен.

виться с ними, но помогли боги Олимпа. Афина Паллада дала мне большой медный тимпан¹⁵, который выковал Гефест. С этим тимпаном я должен был встать на холме, где обитали птицы, и ударить в него. А когда от оглушительного звона птицы взлетят в небо, разить их стрелами. Так я и сделал, и снова вернулся победителем. А Эврисфей тем временем придумал мне новое задание – еще более сложное. И здесь снова не обошлось без вмешательства Геры, которая решила поспорить нас с Артемидой. У нее была любимая лань, которая обитала в Аркадии и была послана ею в устрашение людям. Эврисфей повелел мне поймать ее и живой доставить ее в Микены. Целый год я гонялся за этой неуловимой ланью, пока не настиг ее в стране гипербореев. Я ранил ее и, взвалив на плечи, понес было в Элладу, но тут передо мной появилась разгневанная Артемида.

– Зачем ты ранил мою любимую лань, Геракл? Разве ты не знаешь, что я не прощаю обиды? Или ты считаешь себя могущественнее богов на Олимпе?

Я ответил прекрасной богине, что никогда не считал себя равным богам на Олимпе, а всего лишь выполняю их волю и не могу ослушаться приказания Эврисфея. Артемида, смилостивившись, простила меня, и я доставил в Микены живую лань.

Недолго мне пришлось отдыхать. В Тиринфе меня ждало новое испытание. На этот раз я должен был расправиться с хищным кабаном, который жил на горе Эриманф и наводил страх на жителей города Псофиса. По дороге я навестил мудрого кентавра Фола, который встретил меня как друга и закатил в мою честь пир. Он открыл огромный сосуд с дивным вином, благоухание которого разнеслось далеко и дошло до остальных кентавров. Это вино было их сокровенным достоянием, и они в страшном гневе напали на нас, застав врасплох, когда мы вдвоем весело пировали. Я едва справился с ними, соскочив с ложа, бросая в них дымящиеся головни, разя ядовитыми стрелами и обращая в бегство. После этого я отправился за кабаном и загнал его в глубокий снег на вершине горы Эриманф, в котором он увяз. Я без труда связал его и отнес в Микены Эврисфею, который при виде кабана чуть не умер от страха.

А оправившись, стал думать, какое бы мне дать поручение, чтобы его невозможно было выполнить. И снова ему на помощь пришла Гера. Они поручили мне отправиться в Элиду¹⁶ к царю Авгию, сыну лучезарного Гелиоса¹⁷, и там очистить от навоза весь скотный двор. Я осмотрел огромный скотный двор Авгия и понял – чтобы выполнить это задание обычным способом, потребуется не меньше месяца. Но боги не оставили меня и осенили правильным решением. И я предложил Авгию очистить скотный двор всего за один день, если он отдаст десятую часть своих стад. Авгий с усмешкой согласился, уверенный, что это невозможно выполнить. А я сделал следующее: сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, а затем отвел в него воду двух рек – Алфея и Пеней. Стремительные воды этих рек в тот же день унесли весь навоз со двора, а я опять сложил разрушенные стены. Я стал требовать обещанной награды, но Авгий отказался, и я ушел ни с чем; но придет время, я вернусь и отомщу Авгию.

А дальше Эврисфей решил послать меня за пределы Эллады на остров Крит, чтобы доставить ему критского быка, который был подарен царю Крита Миносу самим Посейдоном¹⁸. По договору между ними Минос должен был принести этого быка в жертву Посейдону, но царь Крита пожалел прекрасное животное и принес в жертву обычного быка из своего стада. Когда Посейдон узнал об этом, то сильно разгневался и наслал на подаренного быка бешенство. И вот бешеный бык стал носиться по острову, вселяя во всех ужас. Мне удалось заманить его в ловушку и укротить. Я въехал на быке в Микены, снова нагнав страх на Эврисфея. Он побоялся оставить быка в своем стаде и отпустил на волю.

---

¹⁵ Тимпан – медный колокол.

¹⁶ Элида – область на северо-западе Пелопоннеса.

¹⁷ Гелиос – бог Солнца.

¹⁸ Посейдон – бог морей и океанов.

Потом он дал мне новое, восьмое задание – отправиться во Фракию к царю Диомеду, у которого были кони дивной красоты и силы. И никто никогда не мог их похитить, ибо они были прикованы железными цепями в стойлах. Диомед отдавал на растерзание этим коням всех чужезмцев, попавших в его земли. Такая же участь ожидала меня и моих спутников, среди которых был Абдер, сын Гермеса¹⁹.

Нам удалось завладеть конями и увести их на свой корабль, но на берегу нас настиг разъяренный Диомед с многочисленным войском. Я поручил охрану коней Абдеру, а сам с небольшим отрядом воинов вступил в бой с воинами Диомеда и обратил их в бегство. А Диомед пал в битве со мной. Мы вернулись с победой на корабль, но каково же было наше отчаянье, когда мы увидели, что кони растерзали Абдера! Мы устроили ему пышные похороны, насыпали высокий холм на его могиле и основали город, назвав в честь героя Абдерой. А злополучных коней доставили Эврисфею, который не придумал ничего лучшего, как выпустить их на волю. Они умчались в горы, где были растерзаны дикими животными. Такова история моего восьмого подвига.

– А что было дальше? – спросила Ипполита, не отрывая восхищенного взора от героя.

Геракл, сделав глоток вина из кубка, продолжил рассказ:

– А дальше Эврисфей придумал самое невероятное задание – доставить ему в Микены твой пояс. И опять не обошлось без участия в этой затее Геры. Эврисфей был уверен, что посылает меня на войну с амазонками, ведь иначе не добыть твой пояс. Поэтому он снарядил лучший отряд эллинских воинов во главе с героем Тесеем. И еще определил в мою свиту своего мифотворца, чтобы описать войну за пояс между эллинскими воинами и девами-стиганорами. Но я не желал войны с тобой и вообще с женщинами – это не в моих правилах, – честно признался Геракл.

– Моиры были благосклонны к тебе и на этот раз, Алкид, – ответила Ипполита. – Тебе не придется отвоевывать мой пояс, ты сам снимешь его с меня. Свой девятый подвиг ты совершишь не с оружием в руках, а на любовном ложе. И от тебя у меня родится дочь, которая станет царицей амазонок. Она будет сильной и мудрой правительницей, ибо от сильных родителей и сильной любви рождаются сильные дети.

– А если у тебя родится мальчик, то что ты с ним сделаешь? – спросил Геракл и, видя удивление Ипполиты, пояснил свою мысль. – У нас в Элладе вас называют *стиганорами*, и в племени вашем нет места мужчинам. А для пополнения своего племени вы вылавливаете здоровых мужчин из соседских варварских племен и предаетесь с ними в течение месяца любви. А когда от этого рождаются девочки, вы их оставляете у себя, вскармливаете молоком скифских кобыл, а мальчиков не оставляете в живых.

– И что еще говорят о нас в Элладе? – сгорая от любопытства, как обычная женщина, спросила Ипполита.

– В Микенах прошла молва, что среди *стиганор* много девственниц, которые дали клятву лучше умереть, чем познать мужчину. И еще укоренилось мнение, что вы одногруды, потому что соблюдаете древний культ богини плодородия Артемиды Эфесской. Этой богине вы преподносите в дар, как символ плодородия, свою отрезанную грудь. Это правда?

Ипполита слушала Геракла, но ее лицо, брызжущее веселостью, вдруг изменилось. Она внезапно скинула с плеч хитон и обнажила верхнюю часть своего медного тела с высоким и крупным конусом левой груди и недоразвитым, едва набухшим, как у девочки, правым. Никаких следов насильственного удаления правой груди на ее прекрасном, как у Афродиты²⁰, теле не было.

---

¹⁹ Гермес – бог скотоводства и покровитель торговли.

²⁰ Афродита – богиня красоты, олицетворяющая красоту и вечную юность.

– Верить можно только тому, что видишь собственными глазами, – торжествующе воскликнула Ипполита. – Чтобы стать амазонками, мы с детства применяем совсем иной способ – но это уже наша сокровенная тайна. А когда у нас рождаются мальчики, мы возвращаем их отцам-скифам. Ведь мужчины тоже должны пополнять свой род. Ну а если у меня родится мальчик, то я отдам его тебе, и он станет твоим воплощением. А тебе, Алкид, в таком случае, придется еще раз повторить свой подвиг, пока я не рожу девочку. – Ипполита засмеялась звонким и мелодичным, как звуки арфы, смехом.

Она потянулась со своего ложа к нему, и ее руки, сжимаясь и разжимаясь, стали ласкать волосы Геракла, скользя по его стриженной, как у воина, голове и по могучей, как у критского быка, шее.

– Ведь через год, в этот же месяц, ты вернешься ко мне? Ты не забудешь, Алкид?

– Не забуду, – дрогнувшим голосом промолвил Геракл. – Эргос и логос²¹ едины.

Ипполита благодарно кивнула ему и, взяв его могучую руку, прижала ее к своей горячей и вздымающейся груди.

– Скоро настанет час нашей любви, Алкид. А пока подкрепись, герой, чтобы совершить свой подвиг в играх Эроса.

Она снова засмеялась задорным переливчатым смехом. Затем хлопнула в ладоши и попросила появившуюся на пороге Улу принести ужин. А Геракл молча смотрел на божественную женщину, которая уже завладела его сердцем. Такого с ним раньше никогда не было.

Воспитанный в суровом спартанском духе, Геракл совсем не увлекался женщинами. Его юность прошла в Тиринфе, где, по повелению Аполлона, его готовили к выполнению главной цели – служению царю Эврисфею для совершения великих подвигов. Окружение ограждало юного героя от посторонних глаз, в особенности женских. Соглядатаи следили за каждым его шагом и доносили Аполлону через вестника. А когда в Геракле в шестнадцать лет проснулся мужчина, ему приглянулась русокосая гибкая рабыня из варварских народов, не знавших эллинского языка. Никто не препятствовал его естественному влечению, ибо связь знатного юноши с рабыней считалась обычным делом. Но первый опыт Геракла в играх Эроса не принес ему радости.

Сгорая от бешеной страсти, Геракл чуть не задушил в объятиях покорную рабыню, которая стонала от боли и страха, пока не вырвалась от него. На следующий день ее увезли на продажу на рынок, а Гераклу оставили других послушных исполнительниц его воли. Но и с другими рабынями юноша не испытывал остроты чувств – он мечтал о взаимной всепоглощающей страсти и любви, а ее не было. И забавам Эроса предпочитал гимнастические упражнения, метание копья и диска, охлаждая возникающую страсть долгим плаванием в бурных водах Эгейского моря. А дальше подошло время его служения Эврисфею, время подвигов, а там забылись и его первые неудачные увлечения женщинами. И вот теперь судьба послала ему Ипполиту, божественно красивую и мудрую, которая была рядом с ним на ложе.

Появившаяся в комнате Ула прервала нахлынувшие на Геракла воспоминания. Амазонка несла на своих сильных и мускулистых, как у мужчины, руках огромное медное блюдо с приготовленным ею ужином. От больших кусков жаренного на вертелах мяса исходил сладостный аромат. Ула подала также амфору с острой подливкой из местных растений и любимое блюдо Ипполиты пестионы – ячменные пирожки с медом, запеченные на оливковом масле.

Ипполита кивнула ей, что-то сказав на непонятном варварском языке, и та вернулась с огромным сосудом темно-фиолетового вина. Она разлила его в стоявшие на столе кубки, разбавила вино водой, как это было принято у эллинов, и грациозной походкой удалилась. А Ипполита, войдя в роль хозяйки, стала хлопотать у стола, угощая гостя.

---

²¹ Эргос и логос – действие и слово.

– Отведай, Алкид, пищу настоящих героев. Это мясо дикого кабана, зажаренное на железных прутьях. Его едят, обмакивая куски в огненно-жгучий соус и запивая вином из скифских виноградников. Это придает большую выносливость и уверенность в делах Эроса.

Ипполита медленными глотками потягивала из золотого кубка вино, глядя на разыгравшийся аппетит сына Зевса. Спокойная горделивая осанка делала ее похожей на богиню Артемиду. Только большие, цвета морской волны глаза, искрящиеся безудержным весельем, напоминали глаза афинской гетеры²². Геракл молча осушил большой кубок скифского вина, которое горячим нектаром разлилось по всему его телу. Слова Ипполиты снова пробудили в нем воспоминания о его первом неудачном опыте любовных игр с рабынями в Тиринфе.

– О чем задумался, Алкид? – спросила Ипполита.

– Забавы Эроса давно потеряли для меня былую остроту, – смущенно ответил Геракл. – Боги сделали из меня героя, лишённого чувств и сердца, предназначенного только для свершения подвигов.

– Не огорчайся, сын Зевса, – промолвила Ипполита, глядя на Геракла своим обворожительным взглядом. – Все пройдет, и придет чувство освобождения от всего. Твои сожаления и обиды исчезнут в лунном свете ночи, они растворятся, как соль, брошенная в воду. И сердце у тебя забьется сильно-сильно, ибо в него вольется любовь. И в час любви ты забудешь обо всем – о своих делах и свершениях, в этот счастливый миг любви ты унесешься вдаль к звездам. И тогда я стану твоей.

Все было тихо вокруг, только ветер шелестел за открытыми окнами в розовом саду. Сумерки, незаметно густея, ниспадали легким призрачным покрывалом, окутывая своей эфемерной голубовато-серой тканью убранство жилища и застывших в ожидании двоих людей. Ночь неумолимо вступала в свои права. На темно-сером небе устало чернели отяжелевшие за день тучи. И вдруг из-за одной тучи радостно выглянул полный белый диск луны. И сразу какой-то волшебный, торжествующий над тьмой свет опустился на землю, посеребрив кроны застывших кипарисов и осветив наших героев. Ипполита встала с ложа и, сбросив легкое покрывало, сняла с бедер массивный пояс, закрывавший низ живота.

– Иди ко мне, Алкид, – просто сказала она. – Этот пояс теперь твой. И я твоя.

В эти слова она вложила столько нежности, что Геракл мгновенно поднялся и приблизился к ней, протянув руки. Ее руки нашли руки Геракла, потянули на себя, и ее пылающее тело крепко уперлось в широкую, могучую грудь исполина. Геракл сжал обнаженные плечи амазонки, и ее возвышающаяся левая грудь наполнила его сердце чувственной силой. Он ощутил в себе необычайный любовный пыл, все части его тела напряглись и стали твердыми, как бронза. Он лег на пол, устланный шкурами медведей, и притянул к себе Ипполиту, пока их истомленные тела не соединились. А яркий лунный свет, проникший в этот храм любви, посеребрил все внутреннее убранство и сплетенные в неистовой страсти тела влюбленных.

* * *

Часы любви перешли у них в дни и ночи, которым они потеряли счет в упоении страсти. Казалось, время текло медленным потоком, неумолимо уходя однако в невозвратимое прошлое. Всему приходит конец. И он наступил на девятый день, когда Геракл безмятежно спал, утомленный играми Эроса и крепким скифским вином. Он проснулся, когда солнце уже было высоко и его лучи золотым сиянием окутали храм. Приподняв отяжелевшую голову, Геракл с удивлением заметил, что он остался один на широком ложе. У его головы лежал каменный пояс Ипполиты, но ее рядом не было. Геракл медленно встал и крикнул, но его зычный призыв остался безответным. Геракл обошел пустые залы храма и вышел на мраморную площадку,

---

²² Гетера – незамужняя образованная женщина свободного образа жизни.

где в нише стены покоилась бронзовая статуя Артемиды. Возле нее, как обычно, стояла керамическая амфора с букетом белых роз. Каждая утро Ипполита, по обыкновению, шла к своей покровительнице и ставила свежий букет из только что сорванных роз. В этот раз стояли прежние цветы, поникшие тяжелыми бутонами за ночь. По-видимому, Ипполита вместе с Улой внезапно покинула храм.

Геракл не стал долго раздумывать – он был человеком действия. Он вернулся за поясом Ипполиты, обвязал его вокруг шеи и покинул храм Артемиды. Стремительными шагами он прошел сотню стадий, отделяющую храм Артемиды от Фемискиры. И вот, за поворотом тропинки, огибающей плеяду конусовидных холмов, показалась живописная роща гигантских кипарисов – место встречи амазонок с эллинскими воинами. Но на этот раз перед глазами Геракла предстала грустная картина. На широкой поляне понуро сидели, опустив головы, воины в непривычном для них виде – без шлемов и воинского снаряжения. Здесь же находился Тесей, а рядом с ним амазонка, девушка лет восемнадцати. Она была невысокой, коренастой, с густым пучком ослепительно-рыжих волос, перехваченных на затылке голубой лентой под цвет ее больших, чуть раскосых глаз. Сквозь ткань прозрачного хитона проглядывало удивительное сочетание упругих форм молодого женского тела с угловатостью мальчишки-подростка. Это была Антиопа из свиты Ипполиты. Склонившись над Тесеем, она перевязывала руку афинского героя.

– *Хайре*, Тесей! Что случилось? – воскликнул Геракл.

– *Хайре*, Геракл! Боги наслали на нас беду. Утром, когда мы почивали в роще, утомленные любовью и вином, на нас, сонных, напали амазонки.

– Амазонки?! Что ты говоришь, Тесей? – загрохотал своим зычным голосом Геракл. – Как могли напасть на вас амазонки, с которыми вы предавались играм Эроса?

– Это не наши, эллинские амазонки. И если бы не моя Антиопа, мы все были бы там, среди мертвых, – кивнул Тесей в сторону берега, где лежали штабелями тела погибших товарищей. – Нас атаковали конные амазонки какого-то варварского племени с дикими криками «Улала!»²³. Пусть лучше тебе Антиопа расскажет о том, что произошло.

---

²³ «Улала!» – древний воинственный клич скифов.

Рис. 5. Скифские амазонки

Геркул повернулся к амазонке, которая спокойно смотрела своими небесно-голубыми глазами в лицо грозному герою.

– Это были амазонки из соседнего с нами сарматского племени, подвластного Ипполите. С дикими воинственными криками они накинлись на нас, готовые растоптать бешеными конями и пронзить копьями.

Рис. 6. Битва с амазонками

Возглавляла их какая-то незнакомка, которая кричала, что эллины явились с коварным умыслом, а Геракл похитил у нас Ипполиту и спрятал ее на корабле, чтобы увезти ее рабыней в Тиринф. Возник страшный переполох. А из Фемискиры на подмогу к ним прискакали наши эллинские амазонки, возглавляемые Меланиппой, Аэллою и Протоей. Не разобравшись, в чем дело, они поверили предводительнице сарматских амазонок и в гневе тоже схватились за оружие. И в этот страшный момент Ипполиты не оказалось на месте – она была с тобой в храме Артемиды. Об этом знала только я одна. И тогда, вскочив на коня, я помчалась за Ипполитой и поведала ей о случившемся. Тебя добудиться было невозможно – ты весь был

во власти Морфея²⁴. И мы поспешили, чтобы остановить кровопролитие. Да не успели – уже возникла битва между амазонками и вашими воинами. Внезапное появление царицы и ее зычный голос остановили враждующие стороны. Все увидели, что Ипполита жива и невредима, и никто ее не похищал. А виновница произошедшего, натравившая амазонок на воинов, попыталась скрыться, но ее поймали и доставили на суд Ипполите. Она призналась, что является жрицей Геры и действует по ее указке. Разгневанные амазонки тут же хотели расправиться с ней – ведь по ее вине погибли многие эллины и наши амазонки, в том числе Аэлла и Протоя. Но Ипполита остановила расправу над ней и предоставила решить ее судьбу тебе.

– А где сама Ипполита? – воскликнул Геракл.

– После того как Ипполита успокоила всех амазонок – эллинских и сарматских, она уединилась в дворце в Фемискире, оплакивая своих любимых подруг Аэлли и Протою. Не ищи ее сейчас, Геракл – она отдала тебе свой пояс, и свою любовь тоже. Тебе надо решить, как поступить с этой жрицей Геры, виновницей учиненного зла.

Антиопа кивнула в сторону воинов, в окружении которых сидела женщина. По приказанию Тесея один из воинов грубо схватил жрицу и подвел ее к Гераклу. Антиопа подошла к женщине и одним рывком сорвала с нее разодранный хитон, та осталась совершенно обнаженной. Ее белое, не тронутое загаром тело отливало холодным молочно-белым цветом, как мраморные статуи Праксителя²⁵. Бюст ее был безупречен и ничем не нарушен, как у амазонок. Женщина, не смущаясь своей наготы, спокойно и выжидающе смотрела на Геракла черными, горящими ненавистью глазами.

– Кто ты и зачем сотворила великое зло, за которое должна ты отправиться в царство Аида²⁶, где предстанешь перед неумолимыми эриниями²⁷? – промолвил Геракл, накаляясь, как закипевший котел, от переполняющего его гнева.

– Я жрица Геры и выполняла ее задание, как ты выполнял задания Эврисфея. Ты мне не судья, Геракл – пусть боги рассудят нас. Я не боюсь ни тебя, ни царства Аида, – жрица спокойно смотрела на Геракла, вызываясь выставив напоказ свое прекрасное и совершенное, как у Афродиты, тело.

Геракл стал задыхаться от гнева, и руки его судорожно схватили висевший на его шее, точно хомут, пояс Ипполиты. И от прикосновения своих горячих ладоней к холодным камешкам он почувствовал освежающую и успокоительную прохладу. Геракл молчал, мысленно возвращаясь в храм Артемиды, к прекрасной Ипполите, отдавшей ему этот пояс.

– Что будешь делать с ней, Геракл? – спросил подошедший к нему Тесей.

– Пусть убирается, откуда пришла, ее накажут боги! – ответил Геракл к удивлению Тесея и его оставшихся в живых воинов.

Но никто возражать сыну Зевса не стал. А Геракл, круто развернувшись, тяжелой походкой направился к берегу моря, где лежали безвинно погибшие воины. Их товарищи уже рубили лес и готовили грандиозный погребальный костер. И делали это спокойно и бесстрастно, как и подобало настоящим эллинам. Ведь в каждом из них было воспитано мудрое и спокойное отношение к смерти, которая для воина была обычной и не представляла ничего ужасного. Хуже смерти для эллина считались трусость и предательство, а еще – увечье, которое могло лишить его возможности оставаться воином. Поэтому Геракл, Тесей и воины спокойно стояли у погребального костра, отдавая светлую и грустную память погибшим товарищам. Чуть в стороне от мужчин стояла единственная амазонка Антиопа со скорбным, суровым лицом.

---

²⁴ Морфей – бог сна и сновидений.

²⁵ Пракситель – известный древнегреческий скульптор.

²⁶ Аид – бог царства душ умерших.

²⁷ Эринии – богини мщения.

Когда был исполнен последний долг перед павшими и пепел их развеяли в море, пришло время возвращаться на заждавшийся корабль. С него уже подошли лодки с гребцами, и воины постепенно стали покидать берег амазонок. Остались последние – Геракл, Тесей и Антиопа.

– Я возьму Антиопу с собой в Элладу, – решительно заявил Тесей.

– Зачем? – удивился Геракл. – Разве этого хочет сама Антиопа? – и он взглянул на растерянную амазонку, ожидая ее ответа.

– Я свободная амазонка и навсегда должна остаться ею – у нас такая судьба, – промолвила с горестным взглядом та.

– Пусть будет так, как она того хочет, Тесей, – сказал Геракл. – Свободная амазонка никогда не полюбит того, кто взял ее силой.

– А я не согласен, – возразил Тесей. – Она спасла меня, а я спасу ее от варваров и увезу в страну богов, в Элладу – есть в этом высшая справедливость.

– Справедливость? – усмехнулся Геракл. – Мой учитель Аристотель утверждал, что справедливость – это то, что пристало сильнейшему. Право на стороне силы, Тесей. И пусть наш поединок решит, кто из нас прав.

Дело принимало опасный оборот. Тесей был наполовину ниже Геракла, не обладал его исполинской силой, но являлся искусным и опытным бойцом. Эти качества позволили афинскому герою победить чудовище Минотавра на острове Крит и совершить еще немало подвигов. Неизвестно, чем закончился бы поединок двух героев, если бы опять не выручила Антиопа. Маленькая и хрупкая по сравнению с двумя гигантами, она смело встала между ними, решив даже ценой своей жизни остановить их.

– Тесей, не надо этого делать! Боги не простят вам! – воскликнула Антиопа, прижимаясь своим дрожащим телом к раненой груди героя. – Ты вернешься через год, когда я рожу от тебя девочку или мальчика, кого пошлет наша хранительница Артемида. Я буду ждать тебя здесь!

Растроганный Тесей внял ее чувствам и протянул руку Гераклу.

– Мир! – промолвил Тесей.

– Мир! – ответил Геракл, пожимая руку своего помощника. И, взглянув на умиротворенное лицо амазонки, сказал: – Возвращайся к Ипполите и передай ей, что я исполню свое обещание. *Гелиайне*²⁸!

– *Гелиайне!* – ответила амазонка, восторженно глядя на стоявших рядом с ней двух славных героев.

И когда они сели в последнюю лодку, Антиопа еще долго стояла на берегу, глядя им вслед.

* * *

Возвращение из страны амазонок в Элладу было долгим и опасным. Разыгравшаяся на море буря едва не потопила корабль, но судьба все же была милостива к нашему герою. И ему довелось совершить еще один подвиг, не засчитанный Эврисфеем. Когда после бури корабль подошел к Трое и причалил к берегу, то путешественники увидели ужасную картину: у самого берега моря к скале была прикована прекрасная дочь царя Трои Лаомедонта. Гесиону во имя спасения страны принесли в жертву морскому чудовищу, выходявшему из моря. Никто не мог справиться с этим чудовищем, наводившим ужас на жителей Трои и опустошавшим ее окрестности.

Царь Лаомедонт был несказанно рад, увидев в своих владениях великого героя Эллады и его спутников. Он обещал за спасение его дочери дивных по красоте и силе коней, подаренных ему самим Зевсом. Геракл самолично взялся спасти Гесиону. По его распоряжению троянцы

---

²⁸ *Гелиайне!* соответствует нашему «Будь здоров!»

насыпали на берегу моря огромный вал, за которым он укрылся, поджидая чудовище. А когда оно вылезло из моря и готово было броситься на несчастную девушку, Геракл выскочил из укрытия и обоюдоострым мечом убил чудище. Так была спасена дочь царя Трои. Но за спасение дочери троянский царь не отдал Гераклу обещанных коней и даже прогнал его. Затаив гнев и обиду, Геракл не стал мстить Лаомедонту – он спешил в Микены, чтобы скорее доставить царю пояс Ипполиты. За весь свой долгий путь Геракл не расставался с ним, он постоянно висел на его могучей шее, навевая самые приятные воспоминания.

Прибыв в Микены, Геракл лично принес трофей в царский дворец. Эврисфей с волнением взял в свои изнеженные пухлые руки тяжелый пояс, и на его заплывшем от жира лице с маленькими поросячьими глазками отобразилось крайнее удивление.

– Это и есть пояс Ипполиты?! – воскликнул изумленный царь. – Мне говорили, что он должен быть золотым, а этот из каких-то морских камешков.

Он посмотрел на стоявшего рядом придворного прорицателя Теренсия, желая услышать его авторитетное мнение. И вещий старец ответил царю:

– Этот волшебный пояс царицы сделан из дивных камней, добытых в Скифии, в Рифее²⁹. Рифейские камни ценятся дороже золота, ибо наделяют своего владельца здоровьем, силой и непобедимостью.

– Это нам и нужно! – воскликнул Эврисфей, довольный ответом прорицателя, и, бросив благодарный взгляд на стоявшего в ожидании Геракла, спросил:

– Как тебе удалось завладеть этим поясом, Геракл?

– Об этом спроси, царь, своего мифотворца Филопатра. Он уже, наверное, состряпал оду о моем подвиге, – ответил с раздражением Геракл.

– Ладно, отправляйся к себе в Тиринф и отдыхай, сколько хочешь, – ты заслужил это, – милостивым тоном произнес царь.

– Я буду отдыхать, когда совершу свой последний подвиг и навсегда уйду от тебя. А теперь я готов к твоему новому заданию, – громовым голосом отчеканил Геракл.

– Да будет так, как ты того хочешь, – промолвил Эврисфей, испугавшись грозного вида героя. – Поезжай в Тиринф, и я пришлю тебе новое задание через вестника Конрея.

Геракл окинул прощальным взглядом пояс Ипполиты, который держал в трясущихся руках Эврисфей, и гулкими шагами вышел из дворца. А Эврисфей позвал свою дочь Адмету, которая была жрицей богини Геры и была наслышана от нее о волшебном поясе царицы амазонок. Адмета давно мечтала завладеть им, чтобы стать здоровой и сильной. И вот наконец-то ее мечта, казалось, сбылась: каменный пояс Ипполиты был в ее руках. Но что делать с ним, как приспособиться к нему? Адмета крутила в руках этот массивный пояс, безуспешно пытаясь приладить его к себе, но у нее ничего не получалось. Пояс был слишком широк и тяжел для ее хрупкой плоской фигуры. И тогда Адмета по совету прорицателя Теренсия положила пояс на столик и ежедневно прикладывала ладони к его холодной и зеленой, как морская вода, поверхности. Она пыталась зарядить свое слабое тело жизненной силой – но ни здоровья, ни силы у дочери Эврисфея не прибавилось. А вот с камешками на поясе происходило что-то неладное: они стали тускнеть, покрываться бурными пятнами и увядать, подобно цветам, лишенным питательной влаги. Это был тревожный признак, на который обратил внимание все тот же Теренсий. И по его совету Адмета взяла пояс на морскую прогулку и с борта корабля бросила злополучный пояс в море. Так волшебный пояс Ипполиты, сделанный руками неизвестного мастера из рифейского камня, нашел свой последний приют на дне Эгейского моря.

А Геракл после совершения своего двенадцатого подвига обрел свободу и ушел от ненавистного царя Эврисфея. Но его уже поджидали новые подвиги и новые беды, которые навлекли на него до конца жизни богини Гера и Эврисфей. Сдержал ли Геракл свое обещание вер-

---

²⁹ Древнее название Урала.

нуться к Ипполите, так и осталось тайной. Не оставили мифотворцы и упоминания о судьбе прекрасной царицы амазонок, носившей удивительный пояс из рифейского камня...

Первая встреча с амазонским камнем

С амазонскими камнями я познакомился еще в шестидесятые годы на Южном Урале. Тогда мне, молодому специалисту-геологу, удалось осуществить свою мечту и побывать в Ильменских горах, где находится уникальный, единственный в мире минералогический заповедник. Мне посчастливилось, что моим гидом по этому природному музею под открытым небом оказался *Петр Калинович Успенский* – человек совершенно необычный, безумно влюбленный в камни, ставшие главной заботой и целью его жизни. Калиныч, как ласково называли сотрудники заповедника этого пожилого сухощавого человека в круглых очках-пенсне и с бородкой клинышком, водил меня, забыв о времени, по старым копиям, восторженно рассказывая о природных экспонатах. Одна старая копь надолго приковала мое внимание и как бы затмила собой все увиденное мной в заповеднике.

– Это знаменитая амазонитовая копь, – с гордостью произнес Калиныч. – Равной ей нигде нет. Помните, что написал академик *Ферсман* об этой копии: «Я никогда не видел ничего более прекрасного, нигде меня не охватывало такое чувство восхищения перед богатством и красотой природы, как на амазонитовых копиях Ильменских гор. Глаз не мог оторвать от голубых отвалов голубовато-зеленого амазонитового камня».

Я вслушивался в эти прекрасные слова. Нечто подобное, наверное, чувствовал и я, глядя на этот голубовато-зеленый, как морская волна, камень с мелкими вrostками белого альбита, напоминающими гребешки волн.

– Ну-с, молодой человек, вижу, это зеленое чудо очаровало вас, как и многих, – произнес довольным тоном Калиныч. – Перед вами один из самых удивительных и таинственных минералов, который преподнес исследователям три так и не решенные до конца загадки: загадку названия, загадку окраски и загадку происхождения. И мы, к сожалению, до сих пор еще мало знаем о нем, и он во многом остается тайной. Вот вы, например, много узнали об этом камне из курса минералогии? Интересно узнать, какова ваша, так сказать, «амазонитовая» эрудиция?

Признаться, в этой части нашего разговора мне пришлось долго выкручиваться, вспоминая все, что я знаю об амазоните – этом экзотическом полево шпате с редкой зеленой окраской. Калиныч молча выслушал меня, а потом снисходительно улыбнулся. Такая улыбка возникает на лице доброго учителя, которому ученик ответил правильно, по существу, но не более.

– Ну что же, молодой человек, на «пятерочку» вы, пожалуй, и знаете, как студент. А как специалист-геолог должны знать о камне несравненно больше, чем в учебнике минералогии. Да вы не обижайтесь, – добродушно рассмеялся Калиныч и потрепал меня по плечу. – Я многие годы проработал преподавателем на кафедре минералогии Свердловского Горного института и старался дать своим студентам всю полноту знаний о минералах – от названия до применения его в жизни. А теперь перейдем к разговору по существу. Давайте присядем, так будет удобней говорить и слушать, – изрек Калиныч, показывая на отвал зеленого камня у древней копии.

Мы присели, и Калиныч, словно лектор, начал рассказывать.

Откуда взялось название амазонского камня, или Первый рассказ Петра Калиновича Успенского

Укоренилось мнение, что амазонский камень получил свое название от реки Амазонки, где якобы есть месторождения этого камня, – начал свой рассказ Калиныч. – Действительно, первые его находки были совершены именно там. Еще в XVIII веке европейские искатели, проникшие в бассейн дикой реки Амазонки, искали там золото и драгоценные камни. О результатах их поисков мало что известно. Но самое интересное другое: один из участников этой экспедиции привез с Амазонки коллекцию зеленых камней в виде речной гальки. И вот среди этих камешков оказались совершенно разные по составу минералы – нефрит и полевой шпат необычайно красивого зеленого цвета. Именно он и привлек внимание любителей камня. Зеленые камни вообще редки в природе, а зеленый полевой шпат – это диковинка в царстве минералов. Естественно, эта находка вызвала огромный ажиотаж, и зеленый полевой шпат получил свое название – амазонский камень – по месту находки. Конечно, находку гальки этого камня нельзя считать месторождением. До настоящего времени в Амазонии не известно ни одного коренного источника этого диковинного камня. Зато его нашли в другом конце света – у нас на Урале.

А случилось это так. В конце XVIII века горный мастер Раздеришин, проводивший изыскания в Ильменских горах на слюду и драгоценные камни, нашел здесь целые месторождения амазонского камня. И этот камень наряду с другими зелеными самоцветами, изумрудом и малахитом, создал всемирную славу Уралу. Наш ильменский амазонский камень сразу же пошел в дело. Уникальные глыбы были доставлены в Санкт-Петербург, и на Петергофской гранильной фабрике из них изготовили две вазы, украсившие коллекции Эрмитажа. Амазонский камень настолько понравился, что его стали использовать при изготовлении крупных и мелких камнерезных изделий: ваз, столешниц, шкатулок и прочих. Слава об уральском зеленом полевом шпате быстро распространилась по России и за ее пределами. Образцы русского чудо-камня украсили витрины многих музеев Европы. И после замечательного открытия на Урале, как это ни стыдно, за зеленым шпатом окончательно укрепилось название «амазонский камень». А затем известный немецкий минералог *Брейтгаунт*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.